(1)Весь в пару, надвинулся к перрону поезд. (2)Обындевелые крыши вагонов, натёки льда с крыш, белые слепые окна. (3)И словно это поезд нанёс с собой ветер: помело с крыши вокзала, закружило. (4)В снежном вихре, в пару отчаянно метались люди от дверей к дверям, из последних сил бежали вдоль состава.

(5)Каждый раз вот так бегают с вещами, с детишками, а везде всё закрыто, ни в один вагон не пускают.

(6)Санитар, стоявший рядом, тоже смотрел.

— (7)Вот бы Гитлера сюда этого! (8)Сам-то он в тепле сидит.

(9)А народу такие мучения принимать... (10)Да с детишками...

(11)И зябко ёжился, будто уже совсем замёрз.

(12)Глупым показался Третьякову этот разговор. (13)Срывая на санитаре зло, потому что ему тоже было жаль метавшихся по морозу баб, которых гнали от поезда, сказал:

— Что ж, по-твоему, захотел какой-то Гитлер — и война началась? (14)Захотел — кончилась?

(15)И сам от своего командирского голоса распрямился под халатом. (16)Санитар враз поскучнел, безликим сделался.

— (17)Не я ж захотел, — бормотал он себе под нос, переходя к другому окну. — (18)Или мне моя нога лишней оказалась?

(19)Третьяков посмотрел ему вслед, на один его сапог и на деревяшку. (20)Что ему объяснишь? (21)Не приставишь оторванную ногу и не объяснишь. (22)А самое главное, что и себе не всё объяснишь.

(23)В школе со слов учителей он знал, как и почему возникают войны, и успешно отвечал на отметку. (24)И их неизбежность при определённых условиях тоже была объяснима и проста. (25)Но тому, что он повидал за эти годы, не было лёгких объяснений. (26)Ведь сколько раз бывало уже: кончались войны, и те самые народы, которые только что истребляли друг друга с такой яростью, как будто вместе им нет жизни на земле, эти самые народы жили потом мирно и ненависти никакой не чувствовали друг к другу.

(27)Так что же, способа нет иного прийти к этому, как только убив миллионы людей? (28)Какая надобность не для кого-то, а для самой жизни в том, чтобы люди, батальонами, полками, ротами погруженные в эшелоны, спешили, мчались, терпя в дороге голод и многие лишения, шли скорым пешим маршем, а потом эти же люди валялись по всему полю, порезанные пулемётами, размётанные взрывами, и даже ни убрать их нельзя, ни похоронить?

(29)Трава родится и с неизбежностью отмирает, и на удобренной ею земле гуще растёт трава. (30)Но ведь не для того живёт человек на свете, чтобы удобрить собою землю. (31)И какая надобность жизни в том, чтобы столько искалеченных людей мучилось по госпиталям?

(32)Ещё до войны прочёл он поразившую его вещь: оказывается, нашествие Чингисхана предварял целый ряд особо благоприятных лет. (33)Шли в срок дожди, небывало росли травы, плодились несметные табуны, и всё вместе это тоже дало силу нашествию. (34)Быть может, разразись над этим краем многолетняя засуха, а не сойдись всё так благоприятно, и не обрушилось бы страшное бедствие на народы в других краях. (35)И история многих народов пошла бы по-другому.

(36)На фронте воюет солдат, и ни на что другое не остаётся сил. (37)Но здесь, в госпитале, одна и та же мысль не давала покоя: неужели когда-нибудь окажется, что этой войны могло не быть? (38)Что в силах людей было предотвратить это? (39)И миллионы остались бы живы... (40)Двигать историю по её пути — тут нужны усилия всех, и многое должно сойтись. (41)Но, чтобы скатить колесо истории с его колеи, может быть, не так много и надо, может быть, достаточно камешек подложить?

(По Г. Я. Бакланову*)

* Григорий Яковлевич Бакланов — (1923—2009) — советский и российский писатель и сценарист.

Из предложений 6–16 выпишите антонимы (антонимическую пару).